

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Р. КОЛЛИНЗ

МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ: ПРИМЕР КОЛЛАПСА СССР

История моего предсказания, основанного на теории

В 1978 году я сделал достоянием гласности теорию (Collins, 1978), объясняющую изменения в территориальной власти государств. Расширив рамки теории конфликта, я решил внимательно отнестись к определению государства, данному Максом Вебером, как монополизации легитимной власти, распространяющейся на определенную территорию. Превращение данного определения в объяснительную теорию означало трактовку всех ее элементов как переменных. В результате возникла теория, объясняющая условия, которые определяют геополитические пики и падения власти над территорией, а также следствия, из этого вытекающие. Один из выводов данной теории состоит в том, что легитимность правителей различается в зависимости от внешней власти и престижа их государства; в пределе из этого вытекало понимание революции как состояния утраты легитимности и контроля над средствами принуждения. Геополитическая теория тем самым сопрягалась с теорией революции Скокпол (Skocpol,

Коллинз Рендалл (Collins, Randal) — профессор социологии Университета Пенсильвании. **Адрес:** 277 McNeil Building 3718 Locust Walk, University of Pennsylvania, Sociology Department, Philadelphia, PA 19104-6299. **Телефон:** (215) 573-6176. **Факс:** (215) 573-2081. **Электронная почта:** collinsr@sas.upenn.edu

Оригинал данного перевода опубликован в: *Collins R. Prediction in macro-sociology: The case of the Soviet collapse // American Journal of Sociology. 1995. No. 100. P. 1552–1593.*

Перевод с английского В.Г. Кузьминова, научное редактирование А.Г. Здравомыслова.

Указания в тексте на использованные Р. Коллинзом источники, а также затекстовый список литературы оформлены, как в английском оригинале.

1979) как теорией крушения государственных ресурсов (state-resource-breakdown theory of revolution), которая была опубликована приблизительно в то же самое время. Совпадение двух теорий было воспринято мной как дополнительное свидетельство того, что я со своей схемой нахожусь на верном пути.

1980-й был годом президентских выборов, и главным тезисом выборной кампании Рейгана стал тезис о так называемом «окне уязвимости». Этот тезис содержал утверждение об опасном отставании США от СССР в ядерных вооружениях и необходимости массированного наращивания вооружений, чтобы преодолеть это отставание. На начало 80-х годов пришелся пик взаимного ядерного терроризирования, и движение противников ядерного оружия было мобилизовано под лозунгом «пять минут до полуночи». Я решил применить мою геополитическую теорию, чтобы увидеть, какое развитие получит сложившаяся ситуация. Честно заявляю: у меня не было заранее сформированного мнения относительно возможных результатов предсказания. Моя геополитическая теория включала в себя пять принципов развития причинно-следственных процессов, связанных общей динамикой. К моему удивлению, все пять из числа главных принципов моей теории указывали на то, что СССР уже миновал пик своего могущества, и это позволяло прогнозировать закат государства. Результат не был симметричным, поскольку большинство принципов свидетельствовало, что могущество США будет оставаться относительно стабильным. Только один из пяти принципов указывал на возможность такого же заката США, поскольку ядерная война подходит под категорию событий более высокого порядка, в результате которых государственная власть будет разрушена. Оптимизм моей оценки основывался на том, что результаты действия других четырех принципов скажутся прежде пятого, то есть СССР распадется до возможного начала ядерной войны. В политическом плане это подразумевало, что свертывание гонки ядерных вооружений не угрожает подрыву относительно устойчивых властных позиций США.

Весной 1980 года я выступил с этим анализом в ряде мест, включая Йельский и Колумбийский университеты (Collins, 1980). Реакция была повсеместно отрицательной. Что касается специалистов по России, присутствовавших на некоторых обсуждениях, то это были, как правило, консервативные эмигранты, которые руководствовались преимущественно чувствами ненависти и страха перед советской мощью. В их представлении ужасающе могучий СССР должен был быть сокрушен не менее мощными США. Подобная позиция не является чем-то из ряда вон выходящим с точки зрения теории конфликта Зиммеля, в соответствии с которой внешняя угроза приводит к идеологической поляризации и смене циклов эскалации и контрэскалации. Реакция либералов удивила несколько больше. Некоторые участники

движения за ядерное разоружение враждебно восприняли мои выводы. Во время одного из обсуждений активист этого движения заявил, что мои рассуждения звучат как «рассуждения представителя Объединенного комитета начальников штабов», руководствуясь, видимо, тем, что разоружение должно рассматриваться как моральный крестовый поход, а не воплощение принципов «реальной политики» (*realpolitik*). Более основательной, возможно, была другая позиция либералов, в соответствии с которой мир стоял перед угрозой гарантированного взаимного уничтожения (*Mutual Assured Destruction* — *MAD*), из чего следовало, что и СССР, и США обладали одинаковой мощью и в равной степени нуждались в деэскалации.

Вслед за этим я опубликовал статью под названием «Будущий закат Российской империи» в сборнике моих работ «Веберовская социологическая теория» (1986). Мое предсказание осталось невостребованным. В любом случае я не был удивлен ни тогда, когда издержки Афганской войны привели к посрамлению военной партии (*faction*) и ее замене на движение реформаторов, сплотившихся вокруг Горбачева, ни тогда, когда реформы обернулись скольжением по склону в направлении к дезинтеграции империи.

Этот пример ставит ряд общих вопросов. В каких пределах возможно социологическое предсказание? Как мы можем отличить обоснованное предсказание от счастливых догадок и оправданий задним числом уже свершившегося (*post facto special pleading*)? Насколько точным может быть предсказание и есть ли у него внутренние ограничения? Что мешает нам предсказывать события на основе уже имеющихся интеллектуальных ресурсов, и каковы перспективы предсказания как инструмента прикладной социологии? Поскольку ключом к оценке предсказательной значимости теории является охват ею широкого исследовательского поля и логически увязанный объяснительный потенциал, я предлагаю рассмотреть, как развивалась геополитическая теория и как она объясняет тенденцию становления этацентричной, основанной на военных ресурсах модели (*state-centered and military-resource-oriented model*) макро-политического изменения.

Развитие геополитической теории государственной власти

Возникновение геополитической теории относится к тому же самому периоду, когда на рубеже XX века в Германии проявились отчетливые контуры теории конфликта. Ратценхофер и Гумплович акцентировали внимание на военных факторах происхождения государства, в политической географии Ратцеля рассматривалась предрасположенность больших государств к расширению в континентальные империи. Веберовское понимание развития государства складывалось в таком же контексте, поскольку для Вебера (Weber, 1922/1968: 901-926) динамика легитимности, равно как формирование этнической

идентичности и национализма связаны с вооруженной борьбой между государствами и тем организационным способом, с помощью которого различные части населения мобилизуются и вооружаются для этой борьбы. В течение десятилетий эта сторона веберовской теории оставалась в тени, тогда как внимание обращалось на ее функционалистские и культурные аспекты. Над геополитическим мышлением витал дурной политический запах, поскольку оно ассоциировалось с милитаристской национальной политикой, адвокатами которой выступали такие теоретики раннего периода, как Маккиндер в Англии, Мэган в США и Хаусхофер в Германии.

С возрождением теории конфликта в 1960-х годах произошло расширение рамок сравнительно-исторического исследования, а также возобновился интерес к самостоятельной динамике государства. Геополитика была вновь открыта, произошло ее очищение от партикуляристских формулировок, что придало большую аналитичность ее стилю (обзор литературы содержится в: Engass, 1986; Nepple, 1986). В политической науке классическая геополитика воспринимается как теория, затеняющая реалистическую школу в международных отношениях. Давайте рассмотрим многообразный вклад геополитики в современную социологическую геополитическую теорию, как это отражено в моей обобщающей модели, разработанной в 1978 году. Ее принципы формулируются в терминах расширения и сжатия территориального могущества государств.

1) *Пространственные и ресурсные преимущества, благоприятствующие территориальной экспансии.* При прочих равных условиях более крупные государства с большим населением и запасами ресурсов расширяются при помощи военной силы за счет меньших и более бедных государств. Этот принцип часто формулируется в литературе, посвященной проблемам победы и поражения в войне (Liddel-Hart, 1970; Andresky, 1971; Gilpin, 1981; Modelsky and Thompson, 1988; Thompson, 1988). Сингер (Singer, 1979, 1990) считает, что изначально преимущество относительно невелико, однако оно возрастает с течением времени, поскольку государства с преобладающим запасом ресурсов (*marginally resource-dominant states*) присоединяют ресурсы своих жертв, тогда как последние становятся соответственно слабее. Это может происходить в результате прямой аннексии территории и управления ею. Доминирующие в ресурсном отношении государства могут расширяться также с помощью мирных или якобы мирных средств, требуя, чтобы маленькие государства-клиенты обеспечивали поставки или предоставляли войска в коалиционные силы под центральным командованием доминирующих государств, или беря под свой протекторат внешнюю, а иногда и внутреннюю политику слабых государств. Благодаря этим механизмам степень фактического,

а часто и юридического военного контроля над территорией имеет тенденцию к возрастанию.

2) *Геопозиционное, или пограничное (marchland), преимущество благоприятствует территориальной экспансии.* Государства с врагами на меньшем количестве направлений расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем количестве границ. Здесь география проявляется двояко: естественные преграды в виде гор, морей и необитаемых территорий создают некоторым государствам «защитный пояс», позволяющий им сосредоточивать войска на меньшем количестве направлений. Кроме того, обширные территории без естественных препятствий могут обеспечивать существование множества государств, особенно если это плодородные сельскохозяйственные земли, способные прокормить многочисленное население. Специалисты в области мировой истории — прежде всего Макнейл (McNeil, 1963) — часто выделяют стратегию пограничных завоевателей, продвигающихся с периферии густонаселенных территорий. Большая часть крупных государств-завоевателей начинала с пограничных позиций. Например, все семь объединителей Китая, положивших конец периодам государственной раздробленности, вышли из тех пограничных территорий в северной части Китая, где людские ресурсы были относительно большими в сравнении с другими пограничными районами. Эти примеры демонстрируют взаимосвязь пограничного положения и ресурсных преимуществ. Если речь идет о нескольких потенциальных соперниках, находящихся в пограничном положении, экспансионистское продвижение будет дальше у того, который начинает с большими ресурсными преимуществами, и, несомненно, будет происходить кумулятивное нарастание ресурсов за счет врагов, располагающихся в центральной части.

3) *Фрагментация внутренних¹ государств.* Государства, расположенные в центре географического региона, с течением времени тяготеют к распаду на более мелкие образования. Этот принцип является продолжением предыдущего. Одна из причин расширения пограничных государств заключается в том, что у внутренних государств в длительной перспективе отсутствует возможность кумулятивного наращивания своей ресурсной базы. У внутренних государств есть потенциальные враги и союзники на многих фронтах, и эта ситуация способствует сбалансированной силовой дипломатии, которая позволяет создавать оборонительные союзы против какого-либо доминирующего в данный момент государства (Morgenthau, 1948; Gilpin, 1981). Конфликты между внутренними государствами приводят, скорее всего, к патовой ситуации, когда военные ресурсы съедаются без

¹ Расположенных в центре географического региона. — Прим. перев.

выигрыша с чьей-либо стороны. Поскольку такие внутренние государства часто расположены на хороших пахотных землях, постольку их военные ресурсы часто оцениваются высоко. Однако структурно эти государства блокированы, так как возможности их внешней экспансии носят случайный характер. Лишь пограничные государства способны осуществлять долговременную кумулятивную экспансию. Ранее историки, занимавшиеся сравнительным анализом государств, как правило, неверно объясняли причины этой эмпирической модели, связывая ее с большей энергетикой варваров с периферии, натиск которых не могли выдерживать вырождающиеся цивилизации. Дело, однако, в том, что когда речь не идет о геополитических преимуществах, развитые государства с богатыми ресурсами неизменно покоряют бедные в ресурсном отношении «варварские» государства или территории, населенные племенами. Преимущество периферии носит не культурный, а структурный характер.

Далее. На исторических атласах проступает модель, которая выходит за рамки одного лишь преимущества пограничных территорий над центром. С течением времени, при условии, что не происходит покорения со стороны пограничных государств, во внутренних регионах проявляется тенденция ко все большему дроблению на множество государств. Эта тенденция обнаруживается в Китае на протяжении нескольких междинастических периодов, в Киевской Руси, на Балканах после заката Оттоманской и Австро-Венгерской империй и в эпоху распада средневековой Священной Римской империи на множество карликовых государств (*Kleinstaaterei*) Германии и Италии. Распад происходит из-за военного ослабления внутренних государств, которые не в состоянии контролировать процесс отделения территорий. Нестабильные и накладывающиеся друг на друга курсы на покорение и на заключение союзов разделяют административный авторитет и во все большей степени превращают культуру политической идентификации в локалистскую.

4) *Кумулятивные процессы периодически вызывают долговременное упрощение ситуации с массивной гонкой вооружений и войнами на устрашение (showdown wars) между несколькими конкурентами.* Принципы с 1-го по 3-й являются кумулятивными. Большие государства проглатывают маленькие или силой вовлекают их в союзы так, что пограничные государства расширяются за счет включения в свой состав раздробленной середины. Данные процессы приводят к тому, что на протяжении длительных периодов (порядка нескольких веков) геополитическая ситуация претерпевает существенное изменение в сторону упрощения.

Это может происходить несколькими путями. Одна из схем в истории — это рост некоего пограничного государства-завоевателя, которое ускоренно проходит фазу покорения внутренних государств. Данная

схема характерна для простых в географическом отношении регионов с единственной густонаселенной зоной, таких как Китай или Месопотамия в тот период, когда она была изолированным сельскохозяйственным регионом. Вторая схема, более характерная для географически разнородной западной части Евразии в период после рассеяния населения, занятого сельскохозяйственным трудом, — это рост двух соперничающих пограничных государств, расширяющихся в застывший центральный регион с двух противоположных направлений. Третья схема связана с образованием двух крупных силовых блоков, один из которых имеет более периферийный характер, чем другой.

Все эти ситуации знаменуют собой вступление в период высоко-го геополитического напряжения. Оно выражается как минимум в интенсивной гонке вооружений и дипломатической поляризации, часто приводящих к войне на устрашение (в терминах международных отношений — гегемонистской войне: Gilpin, 1981: 186-200). В соответствии со схемой первого типа, упомянутой выше, отдельное большое государство не прекращает наращивать свои усилия по полному покорению своего мир-регионального пространства (world-region). Когда речь идет о противостоянии двух крупных государств или блоков, возможностей развития конфликта гораздо больше. Одно государство может уничтожить другое (Рим против Карфагена в западном Средиземноморье), что облегчает дальнейшую экспансию победителю. В истории, как правило, имеет место альтернативный сценарий: оба соперника попадают в патовое положение, что приводит к дезинтеграции обоих. Причиной тому могут быть огромные материальные потери в войне с обеих сторон или истощение ресурсов из-за продолжительной гонки вооружений. В этом случае у расположенного рядом государства появляется возможность быстро заполнить образовавшийся вакуум власти.

Следствие пункта 4: Войны на устрашение доводят взаимное ожесточение до высшей точки. Войны, которые велись там, где наблюдалось равновесие в мир-региональном господстве, отличались чрезвычайной ожесточенностью, приводившей к массовой гибели целых армий, включая пленных, и уничтожению мирного населения. Повышение степени преднамеренного уничтожения людей отмечалось в случае династии Цинь² (впервые объединившей Китай после продолжительного периода Воюющих государств), в случае ассирийцев (впервые объединивших Месопотамию), в случае римлян в их войне против Карфагена, в случае монголов (впервые предпринявших попытку покорить весь территориальный массив Евразии). Аналогии

² В конце III века до н.э. правитель царства Цинь — Цинь Ши-Хуанди объединил под своей властью ряд самостоятельных царств (Ци, Цзинь, Цинь и др.). — *Прим. перев.*

этому можно обнаружить и в огромном росте потерь среди гражданского населения, которыми сопровождались мировые войны XX века. Гилпин (Gilpin, 1981: 200-201) указывает на нарастание насилия в гегемонистских войнах в Европе, начиная с XVII века. Напротив, периоды дипломатии с позиций равновесия сил в регионах с геополитической фрагментацией характеризуются использованием кодексов чести, которые вводят вооруженную борьбу в определенные рамки и снижают вред, наносимый ею. Механизмом, который связывает геополитические условия со степенью насилия, является высокая эмоциональная и идеологическая поляризация в ситуациях, когда исход битвы связан с серьезными структурными следствиями. И, наоборот, там, где на фрагментированную структуру власти результаты военных действий влияли незначительно и где равновесие, обеспечиваемое переговорами с позиции силы, приводило к частой смене членского состава альянсов, эмоциональная поляризация была незначительной.

5) *Чрезмерная экспансия (overexpansion) приводит к истощению ресурсов и распаду государства.* Чем более военная сила отрывается от главных тылов (home base), тем большими бывают затраты. До определенных пределов большая часть ресурсов используется, несмотря на затраты; результатом, однако, является возрастание нагрузки на ресурсную базу дома и угроза поражения, что повышает возможность быстрого распада военной мощи.

Принцип чрезмерной экспансии в понятиях логистических нагрузок широко обсуждался в теоретической и эмпирической литературе. Стинчкомб (Stinchcombe, 1968: 218-230) и Боулдинг (Boulding, 1962: 227-276) разработали формальные модели уменьшения военных ресурсов, доставляемых на увеличивающиеся расстояния. Коллинз (1978) обнаружил, что практически каждый упадок китайских династий, осуществлявших политику централизации, был вызван логистической нагрузкой и связанными с ней поражениями на отдаленных рубежах. Лютвак (Luttwak, 1976) продемонстрировал, что происходило последовательное уменьшение военных ресурсов по мере вовлечения Рима в вооруженную борьбу на дальних границах. Кеннеди (Kennedy, 1987) документально подтвердил, что напряжение чрезмерной экспансии повлияло на закат главных европейских империй с XV по XX столетия. Эти исследования также свидетельствуют, что отрицательные последствия чрезмерной экспансии сказываются быстрее, чем происходит кумулятивный рост ресурсов, являющихся топливом для экспансии. Империи, которые достигли точки чрезмерной экспансии, теряют в течение нескольких лет контроль над военной организацией и политический авторитет, что приводит к падению режима или распаду государства.

Многие (но не все) свидетельства динамики чрезмерной экспансии основываются на исторических сравнениях аграрных государств; то же самое касается сферы действия принципов с 1-го по 4-й. Для

доказательства того, что распространяющиеся на эти исторические периоды принципы не устарели в условиях современных военных и транспортных технологий, я исследовал геополитическую стабильность современных морских империй и боевую эффективность военно-воздушных сил (Collins, 1981). Логистическая стоимость и уязвимость этих технологий перекрывают гипотетическое увеличение дальности их действия, поэтому основные геополитические принципы сохраняют свое значение.

Вышеизложенное является теоретической основой моего предсказания будущего государственной власти в России. В эмпирической и теоретической литературе принципы ресурсных преимуществ, преимуществ пограничного положения и чрезмерной экспансии хорошо документированы. Существуют многочисленные исторические материалы о войнах на устрашение, однако отсутствуют теоретические обобщения. Была подмечена кумулятивная природа некоторых из этих процессов. Теоретический вклад Коллинза (1978) заключался в более точной формулировке фрагментации середины (как обратной стороны преимущества пограничного положения) и в увязывании целого пакета принципов в качестве динамики взаимоусиливающих процессов, которые периодически приводят к долговременным упрощениям геополитической ситуации и поворотным пунктам.

Связь геополитической теории с общей теорией формирования государства и его крушения

В течение длительного времени геополитическая теория не вызвала большого интереса у социологов. Ее значимость усилилось, когда в центр внимания попала теория государства. Одна из тенденций в макросоциологии, начиная с 1960-х годов, заключалась в том, что акцент делался на внешние связи социальных единиц. Теория мировой системы (Wallerstein, 1974-1989; Chase-Dunn, 1989) сосредоточилась на динамике зон мировой экономики. Поскольку гегемония в мировой системе основывается на усиливающих друг друга экономическом и военном доминировании, постольку в модель мировой системы должны быть включены в качестве самостоятельного элемента геополитические условия, объясняющие сдвиги в гегемонии, а также подъемы и падения государств в рамках мировой системы. В русле другого, ориентированного на внешние связи, подхода Бендикс (Bendix, 1967) определил процесс модернизации не как параллельно идущие и автохтонные изменения, но как цепь соперничества между сменяющими друг друга «лидирующими» и «догоняющими» государствами. В модели Бендикса ощущается веберовское влияние, так как в качестве основы соперничества выступает власть-престиж государств на межгосударственной арене, что может рассматриваться как преимущественно геополитическое доминирование. Использование внешнего

фактора как исходной точки анализа внутренних изменений государства было взято на вооружение и развито Скокпол (Skocpol, 1979) в ее теории революций, причиной которых выступают военные расходы.

К началу 1980-х годов оформилось полномасштабное движение «за возвращение государства» (Evans, Rueschemeyer & Skocpol, 1985). Его участники поставили на повестку дня необходимость разработки теории самостоятельной динамики государства, которая, соотносясь, разумеется, с экономической, культурной и другими динамиками, к ним бы не сводилась. Главная задача понималась как формулирование динамики, которая предопределяет рост и закат государства. Каждое направление этих изменений имеет свой характер. Рост государств может быть интенсивным (в плане их внутреннего организационного размера и способности контроля) и экстенсивным (территориальным). Они переживают кризисы и разрушаются несколькими способами (организационное разрушение и утрата способности извлекать ресурсы, с одной стороны, и сокращение территории и дезинтеграция — с другой). Теория революций является той темой, которой было уделено наибольшее внимание. Нужно иметь в виду, что революция представляет собой лишь один сегмент континуума крушения государства, а крушение государства, в свою очередь, является оборотной стороной более масштабного процесса государствообразования. Если представить эти процессы в виде арки, то предметом нашего интереса будут условия, под воздействием которых государства движутся в том или ином направлении в пределах этого континуума.

Тилли (Tilly, 1990) предложил обобщающий анализ восходящих линий государствообразования. Сердцевиной государства является его военная организация; наряду с административным аппаратом она используется для привлечения экономических ресурсов для поддержания жизнеспособности государства. Поскольку административный аппарат существует, постольку он может быть использован также для других целей (включая регулирование экономики и инфраструктуры, благосостояние и распространение культуры). Эта сторона государственной организации стала относительно большой во многих отношениях только в последнее время, образовав нарост на сердцевине организации, призванной удовлетворять военные нужды. На протяжении большей части истории расходы государства слагались преимущественно его текущих расходов на вооруженные силы плюс обслуживание долгов, возникших в результате предыдущих войн (Mann, 1986: 416-446). «Революция в средствах ведения войны» (military revolution) 1500-1800-х годов (Parker, 1988) резко увеличила размер вооруженных сил, равно как стоимость вооружений и оборудования перевела управление ими на постоянную основу и обеспечила централизованное управление. До сих пор именно военная динамика вызывала интенсивный рост внутренней организации государства с течением времени.

Тилли (1990) показывает, что разница в формах государственной организации объясняется условиями, влияющими на вид ресурсов, которые государства могут привлечь для обеспечения военной экспансии. В зависимости от относительной доступности вида ресурсов на их территории — концентрированные источники капитала (в основном городские рыночные экономики) или расплывчатые экономические ресурсы (сельскохозяйственные земли) — у государств были различные траектории организационно-военного роста. Одна крайность, — это когда правители совместно с капиталистами использовали наемные войска в течение короткого периода, создавая тем самым предпосылки для разделения властей в городских олигархиях и федерациях и закладывая основы для республик. Другая крайность, — это когда в результате покорения обширных земельных пространств росло государство, где доминировали военные аристократии. Смешанная форма с комбинацией обеих ресурсных баз, как считает Тилли, вела к образованию централизованного национального государства, которое в конечном итоге вытесняло альтернативные государственные структуры в силу своих превосходящих способностей к военной мобилизации и интенсивности административного контроля. Важная разновидность государственных структур была выделена Даунингом (Downing, 1992), проследившим влияние «революции в средствах ведения войны» на демократию. Коллегиальные структуры разделения власти в средневековых городах были размыты в результате становления армий с централизованным снабжением. Наиболее подверженные этому размыванию государства превратились в автократии, те же, которые тормозили реформу административных структур в русле этой революции, развили сильные парламентско-представительные институты.

Механизмы крушения государства

Если сводить дело к схеме, то можно сказать, что структура военных ресурсов была ключом к пониманию внутренних форм государственной организации. Связь этого с геополитической теорией обеспечивается посредством механизмов обратной связи между двумя сферами. Геополитическое могущество является отчасти результатом извлечения внутренних ресурсов (действие принципа 1); в свою очередь, укрепление или ослабление общего геополитического положения (в результате действия всех принципов — с 1-го по 5-й) сказывается на размере наличных территориальных ресурсов и на степени потребления этих ресурсов при подготовке к войне и в ходе насильственного разрушения.

Рассмотрим сейчас отрицательную сторону континуума государствообразования. В последние десятилетия исследовательские модели, где в центре находилось государство, стали преобладать в теории

крушения государства и революции. Ключом является подверженность государств и их правителей кризисам в извлечении ресурсов и соответствующему росту государственных затрат. Новаторская формулировка Скокпол (1979) может быть названа материалистической теорией государственной экономики: государство само по себе является экономической целостностью, которая формирует собственные классовые интересы. В первую очередь следует выделить государственно-административный класс, экономические (равно как властные и престижные) интересы которого стимулируют расширение способности к извлечению ресурсов. Его главным классовым оппонентом является элита собственников (в аграрных обществах это земельная аристократия), интересы которой заключаются в том, чтобы избегать использования их собственных ресурсов. Поскольку эти два класса взаимосвязаны социально и политически, постольку в условиях государственного бюджетного кризиса внутри элиты возникают конфликты. Эти конфликты, наряду с финансовой стороной самого кризиса, который парализует или вносит момент отчуждения в вооруженные силы, выливаются в полномасштабное крушение государства в его верхах, что расчищает путь для движения революционных сил снизу.

Выдающаяся попытка эмпирической проверки и теоретической разработки данной модели связана с именем Голдстоуна (Goldstone, 1991). Он разработал серии протяженных во времени эмпирических показателей нескольких аспектов государственного напряжения, демонстрирующих, что совокупный индекс кризисного давления соотносится с историческим усилением и ослаблением государственного кризиса. Как у Скокпол, так и в модели Голдстоуна крушение государства является результатом комбинации трех факторов: а) напряжения в системе государственных налогов и сборов; б) конфликта внутри элиты, который парализует правительство; в) народного восстания. Скокпол делает ударение на военном напряжении как главном источнике государственного фискально-административного кризиса. Источники же таких военных напряжений в причинно-следственной цепи определяются геополитической теорией. В дополнение к этому Голдстоун выводит причинно-следственные цепи применительно к каждому из трех аспектов государственного кризиса, сосредоточиваясь на том, как народное давление, опосредованное ростом цен, инфляцией и налогообложением, влияет на условия (а), (б) и (в). Голдстоун возражает Скокпол, которая подчеркивает значение военных источников в напряжении системы государственных налогов и сборов, поскольку две каузальных цепи не являются взаимоисключающими. В его собственной модели ключом к крушению государства выступает не народное давление само по себе, а общий относительный баланс между государственными обязательствами и государственными ресурсами. В тех случаях, когда военные расходы и прошлые военные долги составляют

большую часть государственного бюджета, геополитическое напряжение должно индуцировать сильное давление, которое может привести к крушению государства, вне зависимости от того, является ли такое напряжение единственным источником давления или не является. В исключительных случаях государственное крушение напрямую предопределяется дезинтеграцией военного аппарата в ходе войны.

Споры относительно того, на какое звено в причинно-следственной цепи нужно делать ударение, не должны заслонять совокупный результат серии данных исследований. У нас имеется достаточно подтверждений действенности центральной модели крушения государства — бюджетно-административное напряжение, конфликт внутри элиты, народное восстание — плюс ряд путей, ведущих к возникновению кризисных условий, которые влияют на эти факторы. Иногда рост населения может играть весьма заметную роль в нарастании кризиса; в другой период времени на это влияют, прежде всего, геополитические условия. Во многих случаях народонаселение и геополитика взаимодействуют друг с другом. Для теоретической пользы мы не будем ограничивать применение центральной модели только теми историческими периодами, когда рост народонаселения являлся главной движущей силой по сравнению с другими переменными. Развитие теории будет заключаться как раз в обогащении центральной модели дополнительными моделями, что позволит применить ее к различным историческим условиям.

Наше понимание отношения между крушением государства и теорией революции становится сейчас более четким. Как показывает Голдстоун, не все крушения государства сопровождаются революциями в специфическом смысле этого слова, подразумевающим полную трансформацию правящей элиты наряду с политической и экономической перестройкой. Необходима разработка частных теорий революции (и других процессов, сопровождающих крушение государства) для того, чтобы понимать и предсказывать такого рода следствия. Необходимо иметь в виду, что мой анализ заката СССР содержал предсказание крушения государства; в нем отсутствовала теоретическая основа для предсказания того, какой тип режима возникнет в конечном итоге. Ведь даже и в 1994 году³ остается неясным, произойдет ли действительно в бывшем СССР революция в полном смысле этого слова.

Легитимность как переменная, на которую влияет геополитический фактор власти и престижа

В моей собственной версии взаимосвязи между геополитическими принципами и крушением государства акцент делается на механизме

³ Год написания этой статьи. — *Прим. ред.*

легитимации. Это не потому, что я пренебрегаю моделью Скокпол-Голдстоуна, в соответствии с которой источниками административного кризиса являются напряжения в системе налогов и сборов, конфликт внутри элиты и народное возмущение, а потому, что я хочу дополнить их процессуальной динамикой, напрямую соотносящейся с эмоциональным уровнем политического маневрирования. Следует подчеркнуть, что легитимность — не некое абстрактное и неизменное свойство политической системы. На микро- и мезоуровнях социального взаимодействия легитимность напрямую связана с солидарностью и лояльностью политических групп, а также с энтузиазмом и молчаливым согласием масс. Напротив, делегитимация является эмоциональным и когнитивным условием, которое становится доминирующим, когда политические активисты элиты разделены и пребывают в неопределенности, а массы переходят от состояния отчужденности и недовольства к активным оппозиционным действиям. В данном случае веберовское понятие законности (*legacy*) может нас дезориентировать, поскольку слишком много внимания уделялось типологии традиционалистской, рационально-законной и харизматической легитимности как основе классификации государств. Такой подход приводит к игнорированию процессуальных аспектов легитимации.

Легитимность является переменной, которая обнаруживается на двух уровнях. Существует континуум популярности отдельных политических лидеров. Имеется множество основывающихся на современных опросах общественного мнения и подтверждающихся историческими фактами свидетельств того, что на популярность политических лидеров сильнее всего влияют периоды военного конфликта (Ostrum and Simon, 1985; Norpoth, 1987; Bueno de Mesquite, et al; 1992; результаты опросов, проведенных Институтом Гэллага, которые приводятся в: Hanneman, et al; 1995). На этом уровне мы получаем свидетельства связи между военной властью и престижем государства и легитимностью его правителей. Успешные в военном отношении правители, которым благоприятствуют геополитические обстоятельства, легитимизируют себя, осуществляя власть внутри страны, даже если они начали как диктаторы и нелегитимные узурпаторы. А лидеры, потерпевшие поражение в войне, сколь бы легитимными они ни были до того, стоят перед нарастающей угрозой отрешения от власти. Более того, геополитические условия определяют не только степень личной легитимности правителей в этой части континуума; наиболее глубокие геополитические кризисы являются главной причиной делегитимизации всего институционального порядка. Эмпирически континуум простирается от степеней личной популярности до легитимизации или делегитимизации политической структуры. Так происходит в любой крайней точке континуума: индивиды с огромной популярностью (которых можно назвать харизматиками) способны

расширить границы своей личной ауры эмоциональной мобилизации до пределов целого, вновь возникающего государства, тем самым легитимизируя его. На другом конце, в случае чрезвычайно низкого уровня личной популярности, происходит делегитимизация всего государства.

Этот аргумент не зависит от популярности правителей как таковых (хотя он и является хорошим свидетельством связи между легитимностью и геополитикой). Индивиды включены в более общие процессы. Прежде всего нужно иметь в виду колебания показателей власти и престижа в межгосударственных отношениях, вызывающие быстрые изменения степени легитимности правителей. Более того, вызванный геополитическими обстоятельствами государственно-административный кризис, наряду с конфликтом внутри элиты, приводит к быстрой смене лидеров у руля управления государством. Если при этом степень накала внутренней борьбы и частота хаотических переворотов достаточно высоки, то не только падает престиж отдельных лидеров, но и сам институт лидерства оказывается неэффективным. Именно через эти каналы макро-процессы геополитики переводятся в плоскость частных событий и персоналий в условиях государственного кризиса и последующего крушения государства.

Предсказание крушения Российской империи с помощью геополитической теории

Рассмотрим сейчас конкретные предсказывающие индикаторы (predictors) коллапса СССР и то, как они работали.

Размер и ресурсные преимущества страны возрастали с 1390-х годов, когда небольшое государство Московия начало свою экспансию, до конца 1700-х годов, когда Россия могла поставить под ружье крупнейшую армию в Европе.

К середине XX века это преимущество было утрачено. По общему количеству населения между Россией с ее союзниками и ее противниками сложилось соотношение 1 к 3,5 не в пользу России; по общим экономическим ресурсам — 1 к 4,6. По численности вооруженных сил два блока сближались: противники России лидировали в соотношении 1,7 к 1 по числу регулярных войск и в соотношении только 1,1 к 1 с учетом резервистов. Таким образом, по степени мобилизации, то есть соотношению численности войск с общим числом населения, СССР в 3,5 раза опережал своих противников. Соответственно, в СССР доля военных расходов была непропорционально большой (почти 20% ВВП), что обеспечивалось за счет сокращения расходов на общегражданские нужды. Это было именно то напряжение, о котором говорил Горбачев в ранний период реформ, объявляя с 1985-го года о планах (и в определенной степени реализуя их) сокращения вооруженных сил и конверсии оборонных предприятий (Becker; 1986, 1987; Bernstein, 1989; Gelman, 1989).

Выгода пограничного положения и фрагментация центральной части составляли преимущества России в период ее экспансии. Московия изначально расширялась от «задней стены» редконаселенной лесной зоны на севере в направлении раздробленных государств центральной степной зоны и распадающейся Монгольской империи. Фрагментация Польши как «срединного государства», подвергавшейся нападению с трех направлений, обеспечила России стабильную границу с Европой. Это продолжалось вплоть до поражения Германии как «центрального государства» во Второй мировой войне, которую последняя вела также на нескольких фронтах. Поражение Германии способствовало дальнейшей экспансии территориального контроля России в форме зависимой (satellite) империи в Восточной Европе.

Фрагментация срединного государства Польши, подвергавшейся нападению с трех направлений, обеспечила России прочные рубежи в Европе — вплоть до того, что поражение центрального немецкого могущества во Второй мировой войне посредством еще одной войны на несколько фронтов сделало возможным дальнейшую экспансию территориального контроля России в форме господства над своими сателлитами в Восточной Европе.

Русская экспансия в Сибирь в 1600-х годах осуществлялась против редко расселенных племен; в Южной и Центральной Азии и на Кавказе экспансия продолжалась до конца 1800-х годов и была направлена против мелких государств, возникших на руинах империй с центром в Анатолии или Иране. Эти геополитические преимущества стали в нарастающей степени утрачиваться после 1900 года (то есть отрицательные обратные связи начали превалировать над положительными).

Экспансия на Дальнем Востоке привела Россию к войне с Японией в 1904-1905 годах, в которой Россия потерпела поражение (послужившее причиной неудавшейся революции 1905 года). После реконсолидации Китая в 1949-м у России с ним произошло новое столкновение в 1969 году, и на этих границах пришлось держать многочисленные войска.

На юге и западе бывшие буферные зоны, создававшиеся малыми государствами, были проглочены, и российские войска заняли передовые позиции, непосредственно соприкасаясь с войсками блока НАТО. К 1950-м годам Российская империя была вынуждена защищать сухопутную границу протяженностью 58000 км.

Мое предсказание заключалось в том, что наложение друг на друга кризисов на нескольких границах ускорит распад империи. Данная логика схожа с той, к которой прибегнул Перроу (Perrow, 1984), рассуждая о «нормальных нарушениях» (normal accidents) в сложных организационных системах. В таких структурах локальные нарушения, которые можно устранить по отдельности, перерастают в системный кризис, если они происходят одновременно. Подобные

события имеют вероятностный характер, их вероятность возрастает с увеличением числа элементов в системе. Россия столкнулась с рядом восстаний в ее восточно-европейских сателлитах (1953, 1956, 1968), которые были подавлены с помощью лояльных войск Варшавского договора. Но способность поддерживать лояльность зависит от восприятия общей способности к принуждению, и поэтому на сателлитов воздействует «феномен критической точки» (tipping phenomenon) (Schelling, 1962: 51-118), когда атмосфера кризиса делает нежелательными санкции за непослушание. Мое предположение заключалось в том, что взаимодействие геопозиционных недостатков с чрезмерной экспансией и с локальными ресурсными преимуществами противника приведет к череде неудач в отдаленных регионах (вроде военных интервенций для поддержки государств-клиентов, например, Афганистана), и развитие ситуации, наконец, достигнет своей вершины.

В действительности создалась тупиковая ситуация, когда растущее недовольство внутри страны в связи с интервенцией в Афганистан, начавшейся в 1979-м, привело к 1988 году к выводу советских войск. Военно-экспансионистский режим, который просуществовал до эпохи Брежнева (умер в 1982 году) и его преемников — Андропова и Черненко, был в 1985 году заменен реформаторской группировкой, возглавляемой Горбачевым (бывшим протеже Андропова). Оживление националистического движения внутри СССР началось сразу с 1986 года. На внешней периферии — в кавказских и центрально-азиатских республиках (включая Узбекистан, граничащий с Афганистаном, где шла партизанская война) — в 1988 и 1989 годах возникли межэтнические конфликты с применением силы.

Тем временем на Западе развитие диссидентского движения вдруг вышло из-под контроля. Диссидентство в Польше, группировавшееся вокруг организации профсоюзов, активизировалось в 1980 году, и было подавлено с помощью военного положения к концу того же года так же, как вспыхивали и терпели поражение восстания в восточно-европейских сателлитах. Однако в контексте разворачивающегося геополитического кризиса официальные лица прибалтийских республик СССР поддержали в 1988 году предложения о полной автономии. В Польше в 1988-м забастовки, организованные «Солидарностью», привели к уступкам в направлении реформ и свободным выборам в июне 1989 года. В августе победившие кандидаты от «Солидарности» были приглашены коммунистическим режимом в коалиционное правительство. Одновременно в Венгрии раскол внутри правящей коммунистической партии привел в июне 1989 года к трансформации монолитной автократии в смешанное правление.

Свободное пересечение границ этническими группами было инициировано Горбачевым в русле политики, разрешающей евреям эмигрировать в Израиль. В 1986 году число эмигрантов было небольшим, но уже в 1988-м оно возросло до 20000, а в 1989-м — до

60000 человек. Эпоха открытости ослабила запреты на миграцию в рамках всего советского блока.

В самой Российской Федерации перемещенные в годы сталинского правления народы сейчас стремились вернуться на этническую родину. В 1987 году венгерские власти стали угрожать сумасшедшим домом этническим венграм, пытавшимся спастись бегством из Румынии. Румыния временно перекрыла границы, которые были вновь открыты под давлением в 1989 году. В том же году Турция закрыла свою границу с Болгарией, чтобы остановить поток из 300000 болгар, стремившихся в Турцию. Эти подвижки стимулировали аналогичное движение восточных немцев на предмет получения выездных виз через Венгрию в Западную Европу в конце лета и осенью 1989 года. Именно это движение доказывало, что развитие ситуации достигло своего пика. Когда чехословацкие границы были вновь открыты под давлением возбужденных масс 1 ноября 1989 года, поток беженцев превратился в открытую оппозицию режиму, которая предприняла атаку на символическую границу — Берлинскую стену.

Имевшая место в течение двух недель, с 9 по 24 ноября 1989 года, конфронтация с верными режиму силами неожиданно завершилась уступками, когда Горбачев отверг идею ввода войск Варшавского договора для усмирения диссидентов, фактически отказавшись от применения силы. Взаимная угроза, которая поддерживала дисциплину в восточно-европейских вооруженных силах, таким образом исчезла. Через два месяца последовали восстания и смена власти в странах всего восточно-европейского блока. Эти события на самых дальних рубежах — в странах-сателлитах, ускорили распад еще одного скрепа Российской империи. Выход из ее состава шести республик, расположенных преимущественно на западе (республик Прибалтики, а также Молдавии, Армении и Грузии), в марте 1991 года опередил либеральные планы Горбачева по превращению СССР в свободную федерацию. Вслед за утратой авторитета власти в результате неудавшейся попытки государственного переворота, предпринятой антигорбачевской группировкой в августе 1991 г., формально распался весь Советский Союз. Как и предсказывалось, сработала схема, в соответствии с которой накладывающиеся друг на друга кризисы на многих направлениях ускоряли прохождение критической точки, что привело к общему крушению власти над территорией.

Взаимное устрашение путем массовой гонки вооруженных и войн, а также атмосфера военного ожесточения были очевидными с середины XX века. Мировая геополитическая ситуация радикально упрощалась в течение всего столетия. Империя нацистов и противостоящая ей коалиция символизировали собой один из вариантов всеобщей конфронтации враждующих блоков; вступившие в конфронтацию советский блок и НАТО поглотили и поделили ресурсы потерпевшей

поражение стороны. В этом свете гонка ядерных вооружений с ее потенциалом, достаточным для самого массового в мировой истории уничтожения гражданского населения, не кажется чем-то из ряда вон выходящим. Она вписывается в модель наивысшего военного ожесточения, связанного с войнами на устрашение, когда накопление геополитических ресурсов достигает точки максимального упрощения и поляризации. Эта сторона геополитической теории также подтверждала предсказание об утрате власти Россией, хотя оставались открытыми два других сценария — взаимное истощение ресурсов в результате гонки вооружений или масштабной войны.

Выходом из исторического тупика стали начавшиеся вскоре после прихода к власти реформаторской группировки Горбачева односторонние сокращения ядерных вооружений, а также переговоры по двустороннему их сокращению, последовавшие за встречей в верхах с президентом Рейганом в 1987 году. С точки зрения геополитического предсказания, истощение ресурсов в результате устрашающей конфронтации уже произошло. Цена гонки ядерных вооружений резко возросла с начала 1980-х годов. А непосредственной причиной этого истощения стало наращивание вооружений при администрации Рейгана. С точки же зрения теории конфликта, повышение эмоционального тона конфронтации последовало за серией взаимных угроз со стороны США и СССР, раздававшихся с конца 1940-х годов. В определенный момент взаимная эскалация должна была завершиться либо ядерной войной, либо истощением ресурсов и деэскалацией. Затраты на ядерное вооружение наложились на другие военные расходы России, что вылилось в ресурсный кризис 1980-х годов и привело группировку Горбачева к власти. Горбачев приобрел свою первоначальную общественную харизму, остановив ядерную эскалацию; в течение 1986–1988 годов благодаря своей политике он обладал огромным престижем, особенно в странах Западной Европы. Популярность Горбачева способствовала распространению его имиджа как либерального реформатора, а его зарубежные поездки, в ходе которых он пропагандировал идеи деэскалации, ободрили восточно-европейских диссидентов.

Здесь мы сталкиваемся с взаимодействием нескольких процессов. Угроза ядерного возмездия со стороны НАТО представляла собой политику, призванную отвести угрозу, исходившую от сил Варшавского договора, которые располагались вблизи густонаселенных центров Западной Европы. СССР, в свою очередь, проводил политику, направленную на сохранение своих сил в Восточной Европе в целях предотвращения ядерного удара. В то же самое время присутствие сил Варшавского договора призвано было служить для поддержки режимов стран-сателлитов. Поэтому осуществление ядерного разоружения подогревало надежды на вывод войск, что, в свою очередь,

подрывало основы противостоящих силовых коалиций, закреплявших авторитет режимов в странах-сателлитах.

Чрезмерная экспансия ухудшала геополитические позиции России в Восточной Азии в течение всего XX века. А на Западе создание после 1945 года империи сателлитов увеличило сверхпротяженность границ еще в одном направлении, как и последующее вторжение в Афганистан на границе с Центральной Азией. Есть два аспекта чрезмерной экспансии: логистические расходы, которые съедают приращение военных ресурсов при транспортировке, и идеологическое и культурное сопротивление, проявляющиеся в этнической враждебности. Логистическая сверхпротяженность была связана с военными предприятиями в отдаленных регионах: охрана собственных границ СССР, дополнительные усилия, пик которых пришелся на начало 1980-х годов, по наращиванию океанской мощи путем создания крупных флотов и соединений, способных нести ядерное оружие, с портами на Тихоокеанском побережье, в Арктике и Северной Атлантике, на Черном и Средиземном морях и, наконец, доставка военной помощи на дальние расстояния союзникам на Кубе, во Вьетнаме, на Ближнем Востоке и в Африке.

Другое следствие чрезмерной экспансии заключается в том, что завоевания на дальних рубежах приводят к возникновению многонациональных империй. Широкий ряд исторических примеров свидетельствует (Collins, 1978), что этническая враждебность по отношению к иностранному правлению возникала в нарастающей степени, когда империя контролировала две или более различные этнические территории, кроме собственного этнического хартлэнда (ее внутренней зоны с относительной этнической гомогенностью). В этом отношении чрезмерная экспансия России достигла весьма опасного уровня в период после 1945 года. В зоне восточно-европейских сателлитов советские войска поддерживали власть на территориях, отделенных от России двумя-тремя этническими пластами. В Афганистане и на Кавказе, где российские войска противостояли турецким и иранским, военное влияние распространялось на этнически нерусские территории. Диссиденты, действовавшие в этих регионах, как в период с 1953 по 1968 годы, так и — с большим успехом — в период развала в 1988-1991 годы, апеллировали непосредственно к факторам этнической идентичности и вражды по отношению к расположенным там российским войскам.

Позднее я затрону вопрос о том, какую роль примордиалистская этническая идентификация сыграла в крушении Советской империи. Сейчас же мне хотелось бы подчеркнуть, что этническая враждебность проявляется по-разному, и она имеет место и проявляется наиболее ярко, прежде всего, в регионах, которые в геополитическом отношении тяготеют к отделению. Внешняя зона Российской империи —

страны-сателлиты — в организационном плане были менее интегрированы, поскольку оставались нетронутыми национальные структуры управления, равно как и сохранялось господство местного языка. Движения, возникшие с целью использования геополитической слабости России, подрывали авторитет местных коммунистических властей, ориентированных на союз с Россией. Следовательно, отделение сателлитов выливалось в революции, направленные против режимов. Внутри самого СССР мобилизация движений, которые привели к формальному распаду государства, облегчалось тем обстоятельством, что республики, входившие в его состав, уже были организованы как номинально суверенные этнические группы (Waller, 1992). Эта организация вытекала из того обстоятельства, что Российская империя и ее преемник — СССР были многонациональными государствами, возникшими в результате завоеваний. Этничность становилась структурообразующим фактором как в фазе ее формирования, так и в фазе ее отмирания. Полиэтничность не может рассматриваться в качестве главной причины крушения СССР, а является скорее организационной средой, через которую геополитическая сверхпротяженность прокладывает себе дорогу.

Крушение государства и нарастающий кризис легитимности в соответствии с постулатами геополитической теории. Накопление геополитических напряжений привело СССР в середине 1980-х годов на порог государственного бюджетного кризиса. Симптомом политического крушения был сначала конфликт внутри элиты. Власть и престиж военно-экспансионистской группировки уменьшились из-за неудавшейся попытки сравняться с США в вооружениях и разгрома в Афганистане. К власти пришла реформаторская группа Горбачева, которая сразу была вовлечена в конфликт с группировкой, связанной с советским военно-промышленным комплексом. В структурном плане этот раскол аналогичен тому, который описывается в модели Скокпол – Голдстоуна. В этой модели фракция, озабоченная финансовым здоровьем государства (государственно-классовый интерес в чистом виде), противостоит фракции «аристократов», материальные интересы которой удовлетворяются государством и которая поэтому перекладывает бремя извлечения ресурсов на другие классы. Горбачев пригрозил сократить субсидии военно-промышленному комплексу, до тех пор представлявшему собой наиболее мощный сектор советской экономики. В результате возникло то, что было равноценно аристократическому «налоговому бунту», поскольку военно-промышленный комплекс стал саботировать экономические реформы, в качестве своей цели имеющие конверсию оборонных предприятий для производства гражданской продукции. Следующий результат заключался в том, что период реформ усугубил экономический кризис. Горбачев оказался в незавидном положении: он скользил по крутому склону реформ в условиях надвигающегося крушения государства,

что напоминало положение Неккера⁴ во Франции в 1780-х годах. Ухудшающиеся геополитическая, экономическая и политическая ситуации усиливали друг друга. Реформаторская группировка Горбачева оказалась неспособной привлечь ресурсы для поддержания собственной власти. В конечном итоге непрекращающийся конфликт внутри элиты, пиком которого стала попытка государственного переворота со стороны военно-промышленной группировки в 1991 году, расколол государственный авторитет, чем были открыты двери для революции. Все это напоминало схему, в соответствии с которой аристократический мятеж подготовил падение монархии во Франции в 1789 году.

Еще одним слагаемым модели государственного крушения является мобилизация оппозиционных классовых сил снизу (народное восстание). Огромное разнообразие теоретических схем наблюдается именно на этом уровне. Вместо крестьянских восстаний, которые описываются этой частью модели применительно к аграрно-капиталистическим обществам, мы обнаруживаем объединения диссидентских группировок, возникших первоначально в рамках номинально этнических организаций в республиках на периферии СССР, с движениями интеллигенции в основных городских центрах на пике волнений (Bessinger, 1990; Sedaitis and Butterfield, 1991; Roeder, 1991). Здесь опять происходит накопление и взаимное усиление условий крушения государства и мобилизации диссидентского движения.

Группировка Горбачева, стремясь заручиться поддержкой во внутриэлитном конфликте с военно-промышленной группировкой, осуществила ряд мероприятий по либерализации политической сферы. Сначала политическое маневрирование было направлено на подрыв властных позиций фигур, сохранившихся с эпохи Брежнева. Этим объяснялась атака на госбюрократию и на саму КПСС путем призывов к самоуправлению и ускорению экономического развития. Идею перестройки, запущенную в апреле 1986-го года, можно понять как попытку расширить социальную базу поддержки Горбачева в деле переноса центра тяжести государственных усилий с военной мобилизации на экономическое развитие. В 1986 и 1987 годах были освобождены из тюрем или возвращены из ссылки политзаключенные; развивались общественные объединения для того, чтобы уменьшить влияние организаций КПСС. Ряд изменений в выборном процессе, начавшихся с 1988 года, способствовал либеральным подвижкам в союзных республиках, кульминацией чего стали первые свободные выборы Съезда народных депутатов СССР в 1989 году. Рост этих

⁴ Неккер Жак (1732-1804) — французский финансист и политический деятель, министр Людовика XVI в 1776-1781 и 1788-1790-х гг. Пытался путем реформ предотвратить революцию. — *Прим. перев.*

альтернативных структур — того, что Троцкий в своей теории революции называл «двойным суверенитетом» — обеспечил организационную базу, с помощью которой легитимность всего институционального порядка могла быть поставлена под вопрос. На первых порах мобилизация масс, поощряемая Горбачевым, служила для превращения его в харизматическую фигуру — оратора среди восхищенных толп, — что переносило легитимность на него лично. Однако личная легитимность — это обоюдоострое оружие, особенно в условиях истощения и перемещения ресурсных баз. В связи с углублением структурного кризиса и поражением Горбачева в конфликте внутри элиты его власть была неожиданно делегитимизирована. А с его личным падением произошла делегитимизация всего режима.

(Окончание публикации — в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Andreski, Stanislaw.* 1971. *Military Organization and Society.* Berkeley: University of California Press.
2. *Becker, Abraham S.* 1986. *Sitting on Bayonets: the Soviet Defense Budget and the Slowdown of Soviet Defense Spending.* Santa Monica CA: Rand/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior.
3. *Becker, Abraham S.* 1987. *Ogarkov's Complaint and Gorbachev's Dilemma: the Soviet Defense Budget and Party-Military Conflict.* Santa Monica CA: Rand Corp.
4. *Bendix, Reinhard.* 1967. "Tradition and Modernity Reconsidered." *Comparative Studies in Society and History.* 9: 292-346.
5. *Bernstein, Alvin H.* 1989. *Soviet Defense Spending.* Santa Monica CA: Rand Corp.
6. *Bessinger, Mark R.* 1990. *Nonviolent Public Protest in the USSR, December 1, 1986 - December 31, 1989.* Washington DC: National Council for Soviet and East European Research.
7. *Boulding, Kenneth.* 1962. *Conflict and Defense.* New York: Harper and Row.
8. *Bueno de Mesquite, Bruce, Randolph M. Siverson, and Gary Woller.* 1992. "War and the Fate of Regimes: a Comparative Analysis." *American Political Science Review* 86: 638-46.
9. *Chase-Dunn, Christopher.* 1989. *Global Formation. Structures of the World Economy.* Oxford: Blackwell.
10. *Collins, Randall.* 1978. "Long-term Social Change and the Territorial Power of States". In: Louis Kriesberg (ed.) *Research in Social Movements, Conflicts, and Change.* Vol. 1. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1-34.
11. *Collins, Randall.* 1980. "The Future Decline of the Russian Empire: an Application of Geopolitical Theory". *Sociology Lecture Series, University of South Florida, February 1980; Yale University, March 1980; Columbia University, April 1980.* Published in Collins, 1986.
12. *Collins, Randall.* 1981. "Does Modern Technology Change The Rules of Geopolitics?" *Journal of Political and Military Sociology* 9: 163-177.
13. *Collins, Randall.* 1986. *Weberian Sociological Theory* New York: Cambridge University Press.

14. *Downing, Brian M.* 1992. *The Military Revolution and Political Change. Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe.* Princeton: Princeton University Press.
15. *Engass, P.M.* 1986. *Geopolitics: A Bibliography of Applied Political Geography.* Monticello, Ill.: Vance Bibliographies.
16. *Evans, Peter B., Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol* (eds.) 1985. *Bringing the State Back In.* New York: Cambridge University Press.
17. *Gelman, Harry.* 1989. *The Soviet Turn Toward Conventional Force Reduction: the Internal Struggle and the Variables at Play.* Santa Monica CA: Rand.
18. *Gilpin, Robert.* 1981. *War and Change in World Politics.* New York: Cambridge University Press.
19. *Goldstone, Jack A.* 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley: University of California Press.
20. *Hanneman, Robert A., Randall Collins, and Gabriele Mordt.* 1995. "Discovering Theory Dynamics by Computer Simulation: Experiments on State Legitimacy and Imperialist Capitalism". *Sociological Methodology* 1995 (25): 1-46.
21. *Hepple, Leslie W.* 1986. "The Revival of Geopolitics". *Political Geography Quarterly* 4, No. 4 (supplement): 21-36.
22. *Kennedy, Paul.* 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000.* New York: Random House.
23. *Liddell-Hart, B.H.* 1970. *History of the Second World War.* New York: Putnam.
24. *Luttwak, Edward.* 1976. *The Grand Strategy of the Roman Empire — From the First Century A.D. to the Third.* Baltimore: Johns Hopkins University Press.
25. *Mann, Michael.* 1986. *The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to A.D. 1760.* Cambridge: Cambridge University Press.
26. *McNeill, William H.* 1963. *The Rise of the West. A History of the Human Community.* Chicago: University of Chicago Press.
27. *Modelski, George, and W.R. Thompson.* 1988. *Sea Power and Global Politics Since 1494.* Seattle: University of Washington Press.
28. *Morgenthau, Hans J.* 1948. *Politics among Nations.* New York: Knopf.
29. *Norpoth, Helmut.* 1987. "Guns and Butter and Government Popularity in Britain". *American Political Science Review* 81: 949-970.
30. *Ostrom, Charles W. Jr., and Dennis M. Simon.* 1985. "Promise and Performance: A Dynamic Model of Presidential Popularity". *American Political Science Review* 79: 334-58.
31. *Parker, Geoffrey.* 1988. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West.* New York: Cambridge University Press.
32. *Perrow, Charles.* 1984. *Normal Accidents.* New York: Basic Books.
33. *Roeder, Philip G.* 1991. "Soviet Federalism and Ethnic Mobilization". *World Politics* 43: 196-232.
34. *Schelling, Thomas C.* 1962. *The Strategy of Conflict.* Cambridge MA: Harvard University Press.
35. *Sedaitis, Judith B., and Jim Butterfield* (eds.). 1991. *Perestroika from Below: Social Movements in the Soviet Union.* Boulder CO: Westview Press.
36. *Singer, J. David, et al.* 1979. *Explaining War.* Beverly Hills: Sage.

37. *Singer, J. David, and Paul F. Diehl.* 1990. *Measuring the Correlates of War.* Ann Arbor: University of Michigan Press.
38. *Skocpol, Theda.* 1979. *States and Social Revolutions.* New York: Cambridge Univ. Press.
39. *Stinchcombe, Arthur L.* 1968. *Constructing Social Theories.* New York: Harcourt.
40. *Tilly, Charles.* 1990. *Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990.* Oxford: Blackwell.
41. *Thompson, William R.* 1988. *On Global War: Historical-Structural Approaches to World Politics.* Columbia, SC: University of South Carolina Press.
42. *Waller, David V.* 1992. "Ethnic Mobilization and Geopolitics in the Soviet Union: Toward a Theoretical Understanding". *Journal of Political and Military Sociology* 20: 37-62.
43. *Wallerstein, Immanuel.* 1974. *The Modern World System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century.* New York: Academic Press.
44. *Wallerstein, Immanuel.* 1980. *The Modern World System II. Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy.* San Diego: Academic Press.
45. *Wallerstein, Immanuel.* 1989. *The Modern World System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World Economy, 1730-1840s.* San Diego: Academic Press.
46. *Weber, Max.* 1922/1968. *Economy and Society.* New York: Bedminster Press.